ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Дон Подросткайо, драма Пьера де-Курселя на сценѣ театра имени *Пуаре*.—По поводу бенефисного спектакля г. *Мунэля*.—*Г-е генеральша Матрена*, ком. Крылова и Мерадэ (Сверчкъ), на сценѣ театра Корша (бенефисъ гжи *Комовой*).

I.

Истекшая недѣля не принесла на нашихъ „шедшихъ“ театральныхъ подмостковъ. Да и новинокъ-то собственно не было. Правда, *Генерала Матрену*, поставленная на Коршевской сценѣ въ бенефисъ гжи Комовой, для Московской новость. Но, новенькихъ, это, конечно, совсѣмъ не „шедшая“ піеса, а новорожъ,— это собственно и не новинка, такъ вашъ прошло уже болѣе пяти лѣтъ, какъ піеса написана и поставлена была на сценѣ Императорскаго Александринскаго театра въ Петербургѣ, сюжетъ же ея уже совершенно архаическій.

Такимъ образомъ, театральному хронікеру ломать голову собственно не надъ чѣмъ.

По искусству, „чистое“ искусство, именно тѣмъ и хорошо, что оно, такъ-сказать, освобождаетъ измученную современную голову отъ обязанности „разсуждать“, — все думать, думать объ одномъ... Своимъ властнымъ обаяніемъ оно вырываетъ насъ порой изъ тисковъ этихъ напряженныхъ, пошмарныхъ думъ о „современныхъ“ интересахъ и влабаетъ дня и, погружая въ *безкорыстное* созерцаніе дѣйствительности и жизни, все равно близкой или далекой, настоящей или уже давно минувшей, даетъ возможность забыться и отдохнуть душой.

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, дорога намъ Фламандцы, съ ихъ ничтожными событіями? Почему царь ихъ дворца и нищій ихъ лачуги, когда смотришь на заходящее дневное свѣтило, это „оно міра“, равно наслаждаются и забываютъ—первый о своемъ дворцѣ, послѣдній—о своей лачугѣ?

Да, именно потому, что вдали всѣ теряетъ въ своихъ правахъ *чистое созерцаніе*, безкорыстное, безвольное и забывательное человѣка забывать, оставить, хотя на время, хотя на минуту свои мучительныя думы о прозаическихъ интересахъ жизни. Сон измученное дитя, забывъ и успокой свою усталую голову!..

Вотъ что говоритъ человѣку *чистая красота*, между прочимъ и красота сцены, свободной отъ современныхъ условностей и тенденцій и занятая лишь пластическимъ воспроизведеніемъ жизни для ея чистаго созерцанія зрителями.

Съ этой точки зрѣнія истекшая недѣля, несмотря на отсутствіе новинокъ, была для меня положительною находкой. И я, вмѣстѣ съ другими зрителями, отдыхалъ душею отъ *чрезмѣрной современности*. Я смотрѣлъ на сцену взоромъ чистаго созерцателя, которому не было необходимости „все думать, думать объ одномъ“,—о комнатныхъ „современныхъ“ вопросахъ.

Дамъ отчетъ *въ хронологическомъ порядкѣ* обѣ всемъ томъ, что видѣлъ за недѣлю.

Начну съ театра *гжи Пуаре*, съ труппою которой я познакомился впервые въ *Двухъ Подростокахъ* (въ воскресенье, 16 октября).

Піеса не новая и Москвичамъ хорошо знакомая. Піеса не замысловатая и доказывается до какой-либо „идеи“ въ ней было бы, конечно, дѣломъ совершенно напрасным. Это просто вывозъ изъ борьбы культурнаго строя жизни съ отбросами общества, иллюстрація порывательной иногда безпомощности людей культуры, съ ихъ полицейей, администраціей и т. д., предъ нитусною изобрѣтательностію самоходовъ. Но какъ бытовая картина, какъ старательная, по фламандскому пауси, выписка деталей, піеса де-Курселя представляетъ не малый интересъ— именно въ указанномъ нами выше смыслѣ. Во всякомъ случаѣ, артистамъ здѣсь есть къ чему приложить свои силы и, у кого имѣются, таланты.

Старанія артистами театра гжи Пуаре въ исполненіи піесы де-Курселя было приложено достаточно, по талантами труппа не блещетъ, и отъ того впечатлѣніе отъ піесы сѣмянное и очень не сокроднее. Нужно *уметь смотрѣть* піесу, чтобы его наслаждаться въ постановкѣ на сценѣ гжи Пуаре, и если сумѣешь смотрѣть, то можно насторгаться на мотивъ забвенія современности.

Дѣло въ томъ, что центральныя фигуры—подростокъ Клодвенъ (гжа *Романовская*) и Фанеана (гжа *Пуаре*)— исполнены на сценѣ такъ же, какъ и выписаны, въ самой піесѣ, превосходно. Отъ нихъ, какъ отъ центра, свѣтъ чистаго искусства идетъ радіусами, постепенно угасая на периферіи и превращаясь, наконецъ, въ совершенную тьму, къ которой несутся нѣмѣя крикливые, рѣжущіе ухо, дисонансы. И вотъ если сумѣешь закрывать слухъ для этихъ безвкусныхъ крикновъ и выпряновъ, то вынесешь яркое и сильное впечатлѣніе. Иначе—фламандская выпись піесы и артистическое исполненіе заглавныхъ ролей пропадутъ, или, по крайней мѣрѣ, въ значительной мѣрѣ поблекнутъ.

Особенно нестерпимо рѣзала ухо своими криками выпрямами гжа *Вронская* (Элевъ, жена графа Жоржа де-Керлора). Это—верхъ безвкусія, равно какъ и игра артиста, исполнявшаго роль ея супруга (г. *Вектанцъ-Игнатьевъ*). Но только у послѣдняго сценическое безвкусіе выражалось въ противоположномъ направленіи. Насколько гжа Вронская истинна и правдива, настолько г. Игнатьевъ безвкусенъ, бѣдненъ и мертвъ. Это—какая-то говорящая деревянная кукла. Очень слабо была и гжа *Моравская*, въ роли Карменъ. *Г. Чарскій* (Сентъ-Ирье), въ своей маленькой роли, былъ значительно лучше, а гг. *Марковскій* (Лимасъ), *Кондратьевъ* (Мило), *Шаховскій* (Федаръ) и *Поминовъ* (Буадрю) вполнѣ удовлетворительны и даже больше. О другихъ исполнителяхъ можно совсѣмъ ничего не говорить: такъ мало въ ихъ характерномъ въ ту или другую сторону.

Но зато какими яркими звѣздами на этомъ темномъ фонѣ выдѣлялись исполнительницы заглавныхъ ролей, гжи Пуаре и Романсевичъ! Какая это была дивная гармонія! И обѣ онѣ, каждая по своему, были такъ хороши, что я даже затруднялось, кому отдать преимущество.

Несомнѣнно, что привычка въ сценѣ, увѣренность въ себѣ и своихъ силахъ, нервность, темпераментъ, такъ удивительно согласующійся съ характеромъ бодраго и, при всѣхъ своихъ невзгодахъ, жизнерадостнаго „подростка“, Фанеона: все это дѣлало впечатлѣніе отъ игры гжи Пуаре болѣе обаятельнымъ и ярким и позволяло ей почти всецѣло овладѣвать вниманіемъ зрителя,—почти до забвенія другаго „подростка“. И нужно правду сказать, оригинальная отдѣлка роли, вѣроятно хорошо обдуманныя и разсчитанныя штрихи, въ жестахъ и нахахъ-то дополнительныхъ звукахъ, подобныхъ сдавленному рычанію попавшаго въ тенета льва, дѣлаютъ исполненіе гжи Пуаре высоко художественнымъ. Печать несомѣннаго и крупнаго сценическаго таланта ясно видна на немъ.

Но и гжа Романсевичъ ведетъ свою роль, для которой какъ будто создана, не менѣе артистично. Сколько задушевности и нѣжности, сколько больныхъ надорванныхъ нотъ, звенящихъ какъ оборванныя струны, слышится въ ея игрѣ! Какая сила внутренняго огня, непепелящаго хрупкую оболочку измученнаго физическими недугами, недосѣданіемъ и недосыпаніемъ, тѣла!

Лучшаго сочетанія, какъ гжа Пуаре и Романсевичъ, для ролей подростковъ сдѣлать можно желать, да трудно и придумать.

Въ общемъ, я думаю, что стоящь не пожалѣетъ о напрасно потраченномъ времени тотъ, кто посмотритъ, на сценѣ гжи Пуаре, *Двухъ Подростковъ*. На нихъ, въ этотъ театръ, можно и слѣдуетъ сходить такъ, какъ ходитъ на гастроли и притомъ не лучшія гастроли. Ансамбль, правда, какъ я сказалъ, довольно бѣденъ. Но есть и среди него удовлетворительные исполнители. А главное чтобы въ данномъ отношеніи хуже, тѣмъ лучше—тѣмъ ярче свѣтятъ и радуютъ душу прелестью чистаго созерцанія исполнительницы заглавныхъ ролей...

II.

Перехожу, по порядку, въ бенефисному спектаклю г. Мунэля, заслуженнаго артиста „образцовой“ сцены, состоявшемуся въ минувшій четвергъ (18 октября).

Когда, перелистывая новый фолиантъ, вы случайно находите въ немъ разрозненные листочки своихъ дѣтскихъ дневниковъ, сквозь, которыми вачитывались въ счастливую пору „невозвратнаго дѣтства“, разныхъ полулегендарныхъ, полуминическихъ сказаній,—листочки, которыми, въ минуты озабоченности, при чтеніи серіознаго фоліанта, вы рассеянно закладывали его страницы,— какое *особенное* чувство овладѣваетъ вами! Чѣмъ-то родным, далекимъ и имѣетъ близкимъ, отошедшимъ въ вѣчность и имѣетъ вѣчно настоящимъ, вѣетъ тогда отъ этихъ затерявшихся и разрозненныхъ листочковъ, отдѣ не гармонирующихъ съ угрюмымъ тономъ современнаго тяжеловѣснаго фоліанта...

Нѣчто подобное переживъ я, да вѣроятно и не одинъ я, на юбилеѣ г. Мунэля.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое *Скитать, да не грѣшить*? Это отнюдь не лучшая драма Островскаго. О дворянскомъ сенсуѣдкѣ, о нашествіи купца и чиновника, готовыхъ поглотить дворянина и помѣщика, послѣ того какъ написана драма, мы слышали болѣе детальные, характерные и выразительные разсказы, хотя бы, напримѣръ, у Терпигорева и др. Сама „драма“, или точнѣе мелодрама, звучитъ уже совсѣмъ архаически, возвращаетъ наши воспоминанія къ Полькиной Саксъ, къ Бедной Лизѣ и т. д. Словомъ, піеса переносить насъ уже въ нѣкоторую эпоху, въ „дѣламъ давно минувшихъ дней“.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, или, точнѣе, именно по этому самому,—какъ много „живаго былаго“ изучитъ и смотритъ на васъ съ этихъ разрозненныхъ листочковъ старой книги, которую вы когда-то съ такимъ интересомъ читали!

Спектакль 18 октября напоминалъ мнѣ на какую-то особенную разумичность о судьбѣ нашей „образцовой“ сцены. Не меланхолическую разумичность, къ которой такъ много поводовъ давала ея жизнь за самое послѣднее время. О, нѣтъ! Напротивъ, думы роились, хотя и серіозныя, но бодрыя и насыщенныя надеждой. Мнѣ казалось, что на этомъ праздникѣ таланта, труда, вѣрности лучшимъ традиціямъ, театральною стариной, полнощнною въ ея достойныхъ представителяхъ, — самому бенефиціантъ, безподобнымъ старикахъ Садовскихъ и др.,—давала навѣтъ театральной новинкѣ, и послѣдняя (въ лицѣ гжи Музиль, г. Рыжова и др.) выслушивала эти завѣты не только съ довѣріемъ и готовностію къ исполненію, но только съ сознательностію въ ихъ носителямъ и выразителямъ, но и съ готовностію доказать на дѣлѣ, что завѣты эти не остаются словами,—такъ-сказать, съ живыми доказательствами въ рукахъ, самою игрой.

Жизнь быстро несется впередъ и порой дѣлаетъ „традиціи“ и ея носителямъ до дерзости смѣлые выводы, объявляя рутиной то, чему они досѣлѣ поклонялись, какъ самой истинѣ, безспорной и непреложной. Это въ порядкѣ вещей. Но горе, если традиціи, ея носители и выразители, смущенные этими окриками новаторовъ, задумаютъ сжечь то, чему они поклонялись, ибо завтра же, тѣмъ съ большею страстностью, они снова захотятъ поклониться тому, что сожгли.

Въ театральномъ дѣлѣ, какъ и по сюду,—тотъ же психологическій законъ. И театръ, имѣющій, какъ нашъ *Малый*, свою долгую исторію, свои традиціи и завѣты, есть, въ извѣстномъ смыслѣ, индивидуальность,— живая, сознательная и разумная, растущая по общимъ законамъ роста, органическаго и психическаго. Не сторонится брезгливо и недоброжелательно отъ новаго, коснѣя въ неподвижной традиціи, но и не порываетъ съ безпощадной ломкѣ, по имя „новыхъ запросовъ“, которыя порой болѣе дерзко, чѣмъ какъ слѣдуетъ, стучатся въ дверь, по выдѣлить въ новомъ жизнеспособное и постараться ассимилировать: вотъ что необходимо для *нормальнаго* роста!

Бенефисный спектакль г. Мунэля, по моему мнѣнію, блестяще и красноречиво доказалъ, что, несмотря на подозрительныя симптомы самыхъ послѣднихъ лѣтъ, наше „образцовая“ сцена имѣетъ и ростетъ, одушевленная неизмѣнною любовью къ чистому искусству. Сколько отдѣлки! Какая изумительная пластъ погружать зрителей въ состояніе чистаго, безкорыстнаго и даже безвольнаго созерцанія красоты воспроизведенія жизни, — воспроизведенія тѣмъ болѣе труднаго, чѣмъ дальше отстоитъ отъ времени воспроизводимая драмой и сценой жизнь! Съ другой стороны, и въ молодыхъ артистахъ какая чуткость къ новизнѣ и новымъ пріемамъ сценической техники при вѣрности старымъ завѣтамъ!

Поздравляемъ юбиляра, а въ его лицѣ и другимъ носителямъ традиціи *Малаго театра*, долгихъ и долгихъ лѣтъ, чтобы наша, заслуженно называемая „образцовою“, сцена смогла отстоять свою индивидуальность въ борьбѣ съ новаторскими требованіями. Да здравствуютъ таланты, трудъ и любовь къ искусству—чистому искусству, выдающимся представителемъ котораго такъ долго служилъ, остается и, надѣемся, недолго еще останется почтенный юбиляръ!

Поставленная, въ концѣ юбилейнаго спектакля, въ первый разъ по возобновленіи, въ исполненіи въ краевой Островского и Соловьева, комедія *Странное стеченіе обстоятельствъ* достаточно нелѣпа, чтобы заставить смѣяться людей смѣшливыхъ. Но, съ другой стороны, она достаточно [illegible] сонѣмъ не говорить. Ограничусь лишь однимъ замѣчаніемъ по поводу манеры г. Ильинскаго подчеркивать дурацкое положеніе, въ которое поставила его комедія. Онъ хочетъ достигнуть этого форсированной голосъ, переходящаго у него иногда въ положительные вывизги. Я нахожу эту манеру артиста совсѣмъ нелучшею—разомъ и не-психологичною и не-эстетичною... Къ сожалѣнію, онъ, повидимому, прочно ее себѣ усвоилъ. Но, на нашъ взглядъ, ее, по меньшей мѣрѣ, слѣдуетъ радикально переработать.

III.

Нахожу чрезвычайно неудачнымъ заглавіе піесы, выбранной гжой Комовою для своего бенефиса. *Генерала Матрена* какое кричащее сочетаніе! Судя по названію комедіи, ожидаешь отъ нея чего-нибудь плоско-смѣшливаго, грубаго, шлеповатаго, грузнаго. Въ лицѣ „генеральши“ думаешь встрѣтить полную непочатость въ культурномъ отношеніи.

Ничуть не бывало! Преисмѣшнѣйшая особа, очень умная, чрезвычайно сердечная, въ высокой степени нравственная, честная, правда, открытая,—словомъ, живое совмѣщеніе всѣхъ прекрасныхъ свойствъ лучшихъ русскихъ женщинъ. Конечно, гейзеръ добра, какъ живое воплощеніе знакомыхъ начала жизни, „генеральша“ распутываетъ около себя всѣ узлы и всѣ осложненія, все улаживаетъ и предупреждаетъ, обо всѣхъ заботится, но никогда прятоно не теряетъ изъ виду того, чтобы все было по чинѣ-нибудь, а какъ должно, безупречно въ смыслѣ нравственномъ. Въ доверенія всего, она совсѣмъ уже по такъ проступка, какую оживаешь увидѣть въ „Матренѣ“! На ней, какъ умной женщинѣ, успѣла уже лечь, отъ обращенія съ „генераломъ“, нѣкоторая доля шлифовки..

Словомъ, Матрена совсѣмъ исчезла за генеральшей, если не считать нѣкотораго побратимства генеральши съ ея былыми товарищами-слугами. Но и здѣсь она знаетъ мѣру и никогда не спускается до амикошонства, что было бы такъ легко.

По крайней мѣрѣ *такое* выше „генеральша“ въ исполненіи обаятельной и даровитой бенефиціантки. Правда, „генеральша“ достаточно куріозна въ первомъ дѣйствіи, въ объясненіи съ помѣщицей Лукошиной (гжа *Романовская*); уже слишкомъ хозяйственна и проваучна во второмъ дѣйствіи, когда вмѣстѣ со своею Федосьей обтирается антоновскими яблоки въ мочку для генерала; немножко больше, чѣмъ прилично „генеральшѣ“, суетится въ послѣднемъ дѣйствіи... Но за всѣмъ этимъ поиску видно и благородство души и направленіе всѣхъ дѣйствій и помысловъ „генеральши“ въ одной общей цѣли—къ сохраненію дворянскаго достоинства рода Курлятьевыхъ, вообще въ торжеству добра и правды надъ подлостью и ложью.

Ну уже, конечно, самъ генералъ Николай Петровичъ Курлятьевъ (г. *Яковлевъ*) составляетъ для генеральши центръ всѣхъ заботъ и попеченій. И сколько здѣсь, въ этихъ заботахъ, самой чуткой и трогательной любви,—какого-то непостижимаго умѣнія угадывать любящею душею все, чѣмъ генералъ озабоченъ, такъ-сказать прозрѣнія въ связь событій, могущихъ служить этому опасному генералу на пользу!

Сценическая репутація бенефиціанта стоитъ такъ твердо, а ея индивидуальность такъ опредѣленна, что мнѣ нѣтъ, конечно, необходимости входить здѣсь въ подробности и какія-либо разсужденія. Со своей стороны, долженъ замѣтить, что въ день своего бенефиса артистъ былъ совершенно на высотѣ своего призванія и, соотвѣтственно движенію своей роли, давала зрителямъ возможность и удовольствіе любоваться различными оттѣнками своей граціозной и зарывательной веселости, иногда что страшной для окружающихъ грозы своихъ сдвинутыхъ бровей и жестовъ, за которыми чувствуется самое благодушіе и безконечная доброта...

Успѣху спектакля, кромѣ бенефиціанта, въ значительной мѣрѣ со дѣйствовали г. *Петровскій*. Этотъ даровитый артистъ *создалъ* данного Эпиндюфора, подчиняя ему отставаетъ, ходатая по дѣламъ племянника генерала Евгенія Борисовича Курлятьева (г. *Соколовскій*). Гримъ, мимика, интонаціи, манеры—все это въ высокой степени выразительно. Образъ, созданный даровитымъ артистомъ, пластиченъ, ярокъ и чрезвычайно выразителенъ. Я лично ставлю очень высоко игру г. Петровскаго вообще, къ которому внимательно приглядываюсь, а на этотъ разъ особенно. Замыслъ и отдѣлка типа подлежаго заслуживаютъ самой высокой похвалы.

Вообще спектакль очень удался, да и не могъ не удасться. Въ немъ было большинство занято лучшихъ силъ богатой дарованіями труппы. Хороша была гжа *Митькевичъ*,—очень граціозная, глубокая, искренная въ своей печали о негодности мужа, племянника генерала Курлятьева, его жена, Елена. Хороши были гг. *Яковлевъ* (генералъ Курлятьевъ, мужъ генеральши), хотя его роль довольно незначительна, и *Соколовскій* (племянникъ), хотя его роль не въ благодарныхъ.

Г. *Остужевъ* далъ вполнѣ типъ восторженнаго и благороднаго юноши-поэта, другаго племянника генерала, но слегка перепрыгнулъ и на этотъ разъ, что съ нимъ случается нерѣдко. Если бы Евгеній Борисовичъ Курлятьевъ былъ немножко менѣе слащавъ и сантименталенъ и немножко болѣе сдержанъ, онъ былъ бы гораздо болѣе симпатиченъ.

Г-жа *Романовская*, въ роли богатой помѣщицы Лукошиной, на мой взглядъ, нѣсколько не доставала вѣжности и самовластности чванаго дворянскаго величія.

Остальные артисты были приличны въ своихъ скромныхъ ролях и на своихъ мѣстахъ.

Г. [illegible], сыгравъ, и на этотъ разъ, въ роли стараго слуги, въ конкурса.

Инсценировка піесы вполнѣ удовлетворительна. Костюмы характерны и свѣжи. Декорація обдумана и хорошо соображена съ ходомъ піесы. Прибавьте къ этому симпатичную тенденцію самой піесы, хотя и архаическую по сюжету, но юной по затронутымъ въ ней гуманитарнымъ мотивамъ, и вы поймете, что она должна смотрѣться съ интересомъ.

Кто хочетъ отдохнуть отъ „чрезмѣрной современности“, провести часъ-другой въ хорошемъ настроеніи, среди расматовъ освѣжающаго смѣха, тому очень рекомендуемъ посмотрѣть *Генеральшу-Матрену*.

EXTER.